

❧ *Любовь, интрига, тайна* ❧

Читайте романы Ирины Мельниковой – прекрасные истории о вере, надежде и любви:

Любовно-исторические:

Антик с гвоздикой

Грех во спасение

Александра – наказание Господне

Невеста по наследству

Фамильный оберег. Закат цвета фламинго

Фамильный оберег. Отражение звезды

Фамильный оберег. Камень любви

Любовно-криминальные:

Дрянь такая!

Ржавый Рыцарь и Пистолетов

Дикая Лиза

Нянька для олигарха

Мой ласковый и нежный мент

Колечко с бирюзой

Неоконченный романс

Роман с Джульеттой

Горячий ключ

Формула одиночества

Стихийное бедствие

От ненависти до любви

Небо на двоих

В соавторстве с Георгием Ланским:

Ключи Пандоры

Лик Сатаны

Ярость валькирии

Сериал «Агент сыскной полиции»:

Агент сыскной полиции

Талисман Белой Волчицы

Финита ля комедия

Сибирская амазонка

Бесы Черного городища

Ирина Мельникова

БЕСЫ ЧЕРНОГО ГОРОДИЩА

Москва

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
М48

Редактор серии *А. Антонова*

Оформление серии *А. Зининой*

Мельникова, Ирина Александровна.

М48 Бесы Черного городища : [роман] / Ирина Мельникова. — Москва : Эксмо, 2025. — 384 с.

ISBN 978-5-04-181046-7

Новое увлечение появилось у молодежи города Североеланска: и студенты, и молодые чиновники, и даже барышни из благородных семей, подпоясавшись специальными кушаками, лазают по скалам. И никто из них не знает, что в облюбованном ими Черном городище скрывается целая банда... Она хорошо организована, ею руководит человек необыкновенно хитрый и коварный. Агенту сыскной полиции Алексею Полякову удалось выйти на нее, но главаря взять не удалось. А доказательства того, что именно он причастен к серии страшных убийств, потрясших Североеланск и окрестности, у Алексея неопровержимые. Злодей меняет имена и профессии, но не может изменить лишь одного — своего прошлого. Но именно прошлое этого человека и позволило Алексею Полякову взять его след...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Мельникова И. А., 2023
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2025
ISBN 978-5-04-181046-7

Каин. Я жажду душой добра!
Люцифер. А кто его не жаждет?
Кто любит зло?
Никто, ничто. Но в нем —
Всей жизни и безжизненности дрожи.

Дж. Байрон. Каин

ЧАСТЬ I

1875 год, конец сентября

ГЛАВА 1

От города до Покровского вела долгая, унылая и однообразная дорога. Леса здесь давно вырублены, лишь кое-где виднеются низкорослые перелески да толпятся вдоль дороги редкие березовые и осиновые колки, сбросившие последнюю листву под порывами осеннего ветра. Тут даже летом, в самую жару, никогда не просыхает грязь, и вода держится в выбитых колесами рытвинах до самых заморозков.

Молодой человек, по виду почти подросток, изрядно вытянувшийся, но пока не раздавшийся в плечах, выглянул из кибитки и плотнее запахнул студенческую тужурку. Одет он был явно не по погоде, даже без картуза, но по странной причине почти не чувствовал холода. Он не бывал в этих местах четыре года. За это время успешно

прошел три курса университета, у него стали расти усы, и он уже знал, что такое любовь женщины, но здесь ничего не изменилось. Все то же хмурое небо, непролазная грязь, снопы соломы на полях, а на жнивье пропасть ворон, жадно хватающих все, что не успели подобрать крестьянские руки.

Родительский дом показался внезапно. Раньше его скрывали огромные разлапистые сосны, целая сосновая роща. Но сейчас от нее остались одни пеньки — и это оказалось единственным изменением в округе, которое удалось заметить молодому путнику. Дом уже не заслоняли деревья, и он был виден за несколько верст издалека.

Дорога шла прямо, но молодой человек знал, что она еще много раз нырнет в овраги и скроется в низинах, прежде чем доберется до усадьбы. Но сначала она минует село. По российским меркам, Покровское — село молодое, сотня с небольшим лет, по сибирским — старое. Но, кажется, именно здесь воплотился в полной мере дух аракчеевщины, явления для Сибири ранее неведомого и по сей причине удивительного.

Улицы села словно выровняли по линейке. Избы издавна строились добротные, пятистенные, с тесовыми и крытыми дранкой крышами. И выглядели они точь-в-точь как бравые фельдфебели или сытые унтер-офицеры, раздобревшие на щедрых сибирских хлебах. Вытянулись они вдоль идеально прямой дороги военным строем и, кажется, впрямь готовы взять под козырек.

Село заканчивалось площадью. На дальнем ее краю — сельская церковь с тремя куполами, выстроенная из крепкого, бревнышко к бревнышку, листвяга. Напротив же — грязная хибара питейной лавки, дешевого кабака с вечно распахнутыми дверями, где ширина крыльца соразмерна лишь широте души подгулявшего завсегдатая. Местным поклонникам зеленого змия сей притон порока только тем и был интересен, что в нем завсегда могли поднести чарку отвратительного, но дешевого пойла. Здешние шинки да кабаки тем и славились, что способны были на-

поить до смерти хоть лихую орду ватажников, хоть артель старателей, хоть местного попа со всем его причетом.

Но для молодого человека он был памятен своей коновязью, которую заменял самый что ни есть настоящий бивень мамонта, по виду больше смахивающий на ствол сухого дерева, чем на окаменевший фрагмент древней челюсти. На кости и черепа доисторических животных то и дело натыкались в шурфах и находили в речных отложениях дикие золотодобытчики — бергалы и «хищники», поэтому они здесь были не в диковинку, и по этой причине никто в Покровском уже не помнил, когда и с какой целью привычное бревно заменили древним бивнем. Скорее всего кто-то посчитал, что он гораздо прочнее дерева, а может, просто вовремя подвернулся под руку.

Впрочем, внимание подпивших клиентов не привлекала и ярко-желтая, издалека заметная вывеска с изображением черного улья, многие годы висевшая на хибаре. Несомненно, этот масонский символ на стене придорожной забегаловки тут, в таежной глубинке, уже утратил свое значение. Но молодой человек знал, что это дань былым увлечениям обитателей усадьбы. Его родного гнезда, к которому он стремился всей душой на протяжении почти месячного пути из Москвы до Североеланска и двух дней нудно-бесконечной дороги до Покровского.

Подобно деревенским избам постройки усадьбы располагались также по линейке и ранжиру, точно полки и дивизионы на плац-параде. Как это принято в среднерусской полосе, два гранитных столба, два каменных стража, увенчанных шарами, охраняли въезд на длинную, в четыре ряда деревьев аллею. В прежние времена кибитку молодого человека встретили бы за добрую версту от села, а у ворот усадьбы его непременно поджидала бы матушка в теплом салопе и в бархатном чепце. Она бы близоруко шурилась на дорогу и подносила к глазам кружевной платочек...

Молодой человек громко вздохнул, и возница на облучке оглянулся.

— Теперя недолго, барин! — И перекрестился. — Опустел дом, затих...

Но пассажир разговора не поддержал и только сильнее насупился.

Возница крикнул и огрел кнутом одну из двух лошадей, тянувших кибитку от последней почтовой станции, или станка, как их называли в здешних местах. Молодой путник прибыл на нее вечером, переночевал в доме смотрителя, потому как по прежнему опыту знал, что постоянный двор с наступлением темноты превращался в гнусный вертеп, где находил себе пристанище всякий подзирательный сброд.

В его темных, освещенных лишь жалкими свечными огарками убогих клетушках с грязными стенами и закопченными потолками, никогда не мытыми заплеванными полами и набитыми соломой и блохами тюфяками ютились бежавшие с каторги убийцы и мастеровые с казенных заводов, вышедшие из тайги старатели и крутившиеся возле них шулеры и прочие жулики. Срамные бабы, которых никто не знал по имени — известны были только их непристойные клички, — цеплялись ко всякому постояльцу, подыскивая себе клиентов. И, не заботясь о морали, тут же задирали грязные юбки, чтобы удовлетворить столь же грязное вожделение своих испитых, оборванных кавалеров, зачастую за миску похлебки или за чарку отвратительно пахнущего «шандыка» — едва разведенного контрабандного китайского спирта.

Молодой человек безглаголиво сморщился. Хотя чем столичная жизнь с ее соблазнами и тщательно скрываемым от посторонних глаз развратом, ставшим нормой даже для благородных семейств, отличается от местных диких нравов? И здесь и там правят бал одинаково низкие чувства: корысть, обман, супружеская измена, которые вскормили, точно навоз, вульгарный цветок с покрытым мерзкой слизью стеблем и жадно раскрытыми навстречу соблазну лепестками, напоминавшими с виду протухшее мясо. Имя тому цветку — Похоть, которая зарождается в

самых потаенных уголках человеческого сознания. Низкие желания сродни животным инстинктам, и только человек, управляющий своим сознанием и чувствами, способен победить в себе страшного зверя, погасить угрозу порабощения темными силами.

Люди придумали эти силы сами, чтобы оправдать себя и найти причину всего дурного, что творят они в угоду своим прихотям и тщеславию. И в каком бы воплощении ни наступало нас зло, в какие бы одежды ни рядили его люди, оно существует и рождается не где-то далеко, а в нас самих. Зло — это зеркало, в котором отражается лицо человека. И мало кто осмелится посмотреть в него без страха. Потому что там хорошо видны и зависть, и жажда власти, и алчность, и беспримерная гордыня — все те низменные чувства, которые порабощают и угнетают слабую душу.

Но свободный человек с душой, подвластной разуму, сам делает выбор: сознательно пойти на поводу у темных инстинктов либо побороть их в себе.

Так думал студент, в чьей голове воззрения античных философов и бредни французских и английских мудрецов о ладно скроенном, благочестивом и процветающем обществе смешались в полнейшую кашу с новомодными учениями Гегеля и Канта и той абракадаброй, что порой звучала на лекциях отечественных профессоров и академиков. Сцепившись в драке, метафизика и диалектика сотворили в его мозгах полнейший кавардак, отчего прежде веселая физиономия приобрела угрюмое выражение, а в глазах полыхал мрачный огонь, выдавая почти сложившегося неврастеника.

Дорога тем временем вступила в березовую аллею, ведущую к нарядному парадному подъезду, ворота которого стерегли две готические башни из серого плитняка, выдавая пристрастия владельцев усадьбы к европейскому образу жизни. Они смотрелись более чем нелепо на фоне добротных сибирских изб и чахлой северной растительности.

Сам же дом возвышался в глубине двора массивной трехэтажной громадой с бельведером, украшенный тосканским портиком о четырех колоннах, к которому вела со стороны двора широкая, из двух отдельных пролетов лестница. Замкнутая цепь абсолютно симметричных флигелей и прочих хозяйственных построек, стрельчатые окна, зубцы, остроконечные башни — все вместе чем-то напоминало средневековый замок. Но было в такой похожести что-то нарочитое, театральное, буффонадное. И это впечатление не пропадало оттого, что все постройки и сам дом, словно полковые казармы и арсенал, были выкрашены в казенные желто-белые цвета.

Ворота оказались закрыты. Никто не встречал молодого человека. Он приказал вознице остановиться и вышел из кибитки. Разминая затекшие от долгого сидения ноги, огляделся по сторонам. Вытянувшийся поперек подъездной аллеи высокий каменный забор с выступами и бойницами, с тяжелыми, обитыми листовым железом воротами был всего лишь задней стеной двух флигелей с конусовидными крышами. Флигели эти, украшенные псевдоготическими деталями, ажурными арками и башенками, напоминали собой старинные ратуши Фландрии. И неудивительно, прадед нынешнего владельца дома был выходцем из тех благословенных мест...

Возница подошел к воротам и повернул массивное чугунное кольцо. Несколько раз бухнул колокол, веревки от которого приводились в движение кольцом. Залаяли собаки и, подбежав к воротам, стали бросаться на них, яростно рычать и подсовывать оскаленные морды в узкую щель над землей.

Следом раздались сердитые крики: псов отгоняли, и, судя по их оглушительному визгу и завыванию, палкой или ногами. Наконец ворота распахнулись, и взору приехавшего предстал здоровенный мужик с лохматой бородой, одетый в зипун, чем-то смахивающий на военный камзол павловских еще времен, но ветхий и без пуговиц.

— Барин! — завопил он радостно. — А мы не ждали вас

скоро! Распутица да хляби, едри их в корень! Снег уже срывается! — Он радостно взмахнул руками и, повернув голову, рывкнул куда-то за спину: — Федотка! Итить твою мать! Встречай барина!

— Позволь, Данила! — Молодой человек отстранил мужика и прошел мимо него в ворота. И только бросил через плечо: — Лошадей прими, а возчика вели накормить и на ночлег определить! Завтра утром мне возвращаться.

— Слушаюсь! — вытянулся в струнку с самым довольным видом Данила. — Сей момент велю исполнить. — И поспешил к кибитке.

А гость, не оглядываясь, ступил на огромный двор, заросший убитой заморозками травой и усыпанный толстым слоем опавшей листвы. По двору бродили десятка два гусей и важные толстые индюки. Молодой человек сразу отметил, что подобного беспорядка прежде не случалось. И двор вовремя убирали, и птицу держали на птичьем дворе. Но сейчас его не поразил бы даже вид свиней, копошившихся в истоптанных и загаженных птицей лужах. Все пришло в запустение, и он знал почему. По очень грустной и неприятной причине, из-за которой он вынужден был оставить учебу в университете и мчаться за тридевять земель в эти гиблые края, которые он когда-то, как ему казалось, оставил навсегда.

Какой-то мужик — приехавший не узнал его издали — тащил на поводках трех огромных волкодавов. Они упирались и злобно огрызались, порываясь броситься в сторону гостя. Тот усмехнулся, даже собаки отказываются признать его за своего, а дом — тот и вовсе пялится на него грязными окнами, как на чужака, посмевшегося незаконно вторгнуться в пределы усадьбы. Впрочем, так оно и есть на самом деле. Здесь ему ничего не принадлежало и уже никогда принадлежать не будет.

Молодой человек безглаголиво стряхнул с лацкана сюртука гусиное перышко и громко крикнул:

— Данила, носи багаж в дом! — И сделал несколько

шагов по пешеходной дорожке, которая шла вдоль подъездной дороги.

— Сашенька! Голубчик! Александр! — Радостные крики раздались одновременно с двух сторон. И молодой человек остановился.

С крыльца навстречу ему спускалась маленькая сухонькая старушка в накинутой на плечи толстой шали, а из-за угла флигеля вывернул и застыл на одном месте высокий крепкий парень в одной рубаше, домотканых портах и босиком.

— Няня! — Лицо молодого человека преобразилось. Глаза его сияли, а рот растянула улыбка. — Няня! — повторил он и раскрыл ей свои объятия.

Старушка прижалась к его груди, обхватила руками за плечи и запричитала сквозь слезы:

— Сашенька! Радость ты наша! Удалось-таки свидеться! А матушка-то, Анна Николаевна, царствие ей небесное, не дожила, не дотерпела! — Она уткнулась лицом в грудь воспитанника, и плечи ее затряслись от горького плача.

— Ну, нянюшка, ну, милая! Уймись! Слезами горю не поможешь! — Он гладил ее по спине, но старушка от его ласковых слов и уговоров плакала еще сильнее.

Александр, продолжая обнимать свою старую нянюку, перевел взгляд на парня, который в двух шагах от него переминался с ноги на ногу, от холодной росы они покраснели, точно гусиные лапы.

— Федотка, я тебя не узнал. — Гость усмехнулся. — Ишь вымахал, выше меня на голову небось?

— Да я, что я? — смутился тот. — В городе оно знамо как... Не разбьешься! А у нас сметана да сало. И молока — хоть купайся в ем!

— Где отец? — спросил Александр.

— А где ж ему быть, извергу? — Нянька отстранилась от любимца. Глаза ее, не просохшие от слез, гневно сверкнули. — В покоях своих, сатана! Тьфу на него! — Она сер-

дито сплюнула и перекрестилась. — Таперича ему белый свет в копейку, а то бы с самого утра криков было да ругани!

— Он что, еще не встал? — удивился Александр. — За-немог, что ли, с похмелья?

— Какое похмелье? — замахала руками нянька. — Удар его хватил. Вот уж три недели лежит в постели как колода. Под себя ходит. Язык совсем отнялся. Мычит только, как тот телок по весне.

— Удар? — удивился Александр. — Он же никогда не болел?

— А ты попей столько, — покачала головой нянька, — он, почитай, не просыхал, как маменьку похоронили!

— А эта... где? — сквозь зубы процедил молодой человек, и глаза его полыхнули ненавистью.

— Злыдня, что ли? Мамзелька? — справилась нянька. — Так сбегла. В ту же ночь и сбегла, как Родиону Георгиевича удар хватил.

— Сбежала, значит? — Лицо Александра перекосилось. — Она знала, что я еду?

— Нет, ей-богу! — старуха перекрестилась. — Как велел, батюшка, никому не сказывали! Ни барину, ни мамзельке... Только... — Она виновато посмотрела на своего воспитанника. — Только злыдня эта все золото и каменья маменькины прихватила, да двадцать тысяч рублей, да процентные бумаги, что в несгораемом шкафу хранились. Мамзелька его ключом открыла, что Родиона Георгиевич на гайтане таскали.

— А «Эль-Гаруда»? Что с ней?

В ответ нянька только развела руками и понурилась.

Лицо Александра побелело от ярости, глаза сузились, и он грязно выругался. Нянька и Федот быстро переглянулись. Молодой человек заметил их взгляд и криво усмехнулся.

— Жаль, что эта дрянь исчезла! Верно, догадалась, что придется отвечать за свои проказы! — И, направив взгляд поверх их голов в сторону дома, спросил: — Где сестра?

— Полюшка? Ласточка? — расплылась в улыбке нянь-

ка. — Да где ж ей быть? В детской! С ней Федоткина сестра водится. Помнишь Настену? Такая красавица выросла! От женихов отбоя нет.

— Она меня, наверно, не узнает, — сказал Александр, имея в виду отнюдь не красавицу Настену. — Сколько ей было, когда я уезжал? Чуть больше года. А сейчас где-то пять, наверно?

— Правда твоя, Сашенька, — радостно закивала головой нянька, — шестой годок пошел. Красавица да умница растет, вылитая маменька.

Губы молодого человека скривились. Казалось, он вот-вот заплачет. Но сдержался, не заплакал, лишь попросил:

— Проводи меня к могилке! — Затем перевел взгляд на Федота. — Ты почему босиком?

— Так не успел, — повинился тот, расплывшись в улыбке. — Шибко обрадовался, вот и выскочил голяком.

— Иди обуйся, — приказал Александр, — и найди мне Петра. Что-то он не показался даже.

— Дак он на мельнице с утра. Как уехал засветло, так и не появлялся. Велел, правда, сразу верхового прислать, ежели барчук заявится. Словно чуял, батюшка, словно чуял... — закрестилась нянька торопливо. — Али послать?

— Немедленно, — ответил тот и положил руку няньке на плечо. — А ты отведи меня к маменьке. Где она лежит?

ГЛАВА 2

Они прошли сквозь старый парк. Деревья разрослись, и в летнее время здесь, наверно, было сумеречно и тихо, пахло прелой листвой, судя по всему, ее не убрали с прошлой осени. Повсюду валялись сломанные ветви и упавшие деревья. Кое-где ветки стащили в кучи, а деревья распилили на чурки. Но в прежние времена их бы перенесли под навес, а теперь все осталось в добычу дождям и скорому снегу. Все пришло в запустенье. И парк, и двор, и дом, и хозяйство...

Александр с угрюмым видом оглядывал эту печальную картину, воочию убеждаясь, как быстро хаос одерживает победу над порядком, и удивлялся, как мало надо времени, чтобы творения рук человеческих обратились в прах.

Они миновали парк, затем хозяйственный двор. В сплошной цепи рабочих построек: флигелей, конюшен, амбаров, коровников и кузницы, где, как в былые времена, стучал молот и гремели железом, нашлась маленькая калитка, которая вывела их к берегу реки. Тут, на высоком откосе, издавна стояли две беседки-павильона. Когда-то в них обожали принимать гостей и распивать чай, любясь летними вечерами привольным плесом, синей полоской дальнего берега, скользящими по водной глади рыбацкими лодками и пароходами, которые, по давно заведенному обычаю, приветствовали обитателей усадьбы длинными гудками. Беседки были необычной, пятиконечной формы, еще одна дань когда-то процветавшим здесь масонским увлечениям.

Теперь беседки были изломаны внутри и снаружи, и по вони, которую они источали, молодой человек понял, что сейчас у них другое, весьма низменное предназначение.

Но беседки они обошли стороной. Узкая, едва заметная тропка, усыпанная старой сосновой хвоей, вывела их на каменистый утес к побеленному известью бакену. В темные летние ночи на нем вывешивали фонарь, чтобы видели издалека капитаны пароходов, какая опасность их поджидает — Колгуева шивера, самый страшный порог на реке, с множеством громадных валунов, чьи истертые водой горбатые спины едва виднелись среди огромных волн.

В нескольких шагах от бакена стояла, как и прежде, скамеечка — любимое место его матушки. Здесь она, отдыхая от забот и дикого нрава своего супруга, могла сидеть часами, следить за быстрым бегом речных струй, слушать грохот бьющихся о подножие утеса волн и наблюдать, как чайки, нервно вскрикивая, а то надсадно горлая, на лету касаются крылом воды.

Молодой человек остановился возле скамейки и полной грудью вдохнул свежий ветер. С высоты берега перед ним открывался небывало красивый вид на многие версты вокруг. Чуть дальше порога, где река, ширясь и растекаясь в своей долине, принимала в себя множество ручьев и речушек, от налетевшего шквального ветерка бежали-струились змейками полоски ряби. Чайки по причине осенних холодов уже исчезли, лишь маячила вдалеке одинокая лодка с горбившимся на ее дне рыбаком. Вот-вот пойдет шуга, и пароходы уже стоят в затоне, до следующей навигации. И лишь у прибрежных камней, как в старые добрые времена, всплескивала тяжелая волна, покачивая просмоленные рыбацкие лодки около развешанных на берегу сетей. А позади на закатном небе громоздились тучи — синие, лиловые, а между ними, словно всполохи, проглядывали огненные, оранжево-багровые и бледно-зеленые просветы неба.

Закрыв глаза, Александр представил вдруг, какими он видел эти места в последний раз. На береговом откосе темно-зеленой лентой тянулся лес, на пойменных лугах колыхались травы, ветер гонял волну по густым нивам. Зарницы вспыхивали в небе — верный признак того, что зацвела рожь... Матушка нашла его здесь уже под вечер. И они долго сидели вместе на лавочке. Маленькая Полина спала на руках у матери, а они все никак не могли наговориться и не подозревали, что прощаются навсегда...

Александр вздохнул, открыл глаза и посмотрел на няньку. И она поняла его молчаливый вопрос.

— Вон там могилка, у деревьев.

Она протянула руку, но он сам и без подсказки увидел невысокий, обложенный побеленными известью камнями холмик с простым деревянным крестом. Сверху могилу сплошь укрывали зеленые пихтовые ветки, и нянька пояснила, что их меняют каждую неделю.

— По весне цветочки посадим, — сказала она тихо, и Александр поверил ей. Старая будет ходить сюда до последнего часа, пока ноги носят, пока держит земля.

— Оставь меня, — тихо попросил он и подошел к могиле. Некоторое время стоял над ней молча, затем опустился на колени.

Нянька отошла в сторону и, пригорюнившись, наблюдала, как он припал головой к веткам. Некоторое время ни один звук не нарушал тишину этого уединенного уголка. Наконец Александр поднялся на ноги, перекрестился и что-то быстро пробормотал сквозь зубы. Он еще больше осунулся, побледнел, а черты лица заострились. Подетски пухлые губы сжались в тонкую полоску.

— Как это случилось?

Нянька сложила молитвенно руки и покачала головой:

— Одурел Родиона Георгиевич под старость лет, как есть одурел! Ведь он на Анну Николаевну надышаться не мог, обвенчаться с ней хотел.

— Я знаю, он мне перед отъездом обещал! — Александр склонил голову и исподлобья посмотрел на няньку. — Ну, сказывай же, не рви сердце.

Нянька тяжело вздохнула, перекрестилась и отвела взгляд.

— Что тут сказывать. Год назад нашли где-то в городе эту мамзельку, гуверненкой для Полюшки. Поначалу она тихая была, покладистая, только мне, вот те крест, сразу не показалась. В глаза не смотрит и по всякому случаю улыбается.

— Красивая?

— Бог ее знает, — нянька пожала плечами, — Настена во сто крат лучше, а эта худущая, глаза черные, ведьмачьи. Посмотрит — мороз по коже дерет. Не нашего она облика, то ли цыганка, то ли еще кто.

— Говори, няня, не томи, — взмолился Александр. — Как она отца окрутила?

— А того никто не знает, — нянька снова перекрестилась, — но через месяц, как эта шалава в дом вошла, Родиона Георгиевич велел вашей матушке перебираться во флигель. К обеду ее перестали приглашать, а вскоре запретили в доме появляться.

— Сестра с ней жила?

— Нет, мамзелька не позволила. Родиона Георгиевич шибко Полюшку любил. И она не посмела его от дочери отвадить.

— А что же матушка? Неужели терпела?

— Нет, не терпела! Она пыталась вашего батюшку раз-зуть, усостить его, а он и вовсе взбесился, орал, ногами топал, а после велел ее в спину с крыльца вытолкать, и это на виду у всей дворни. Ключи у нее отобрали и от дома, и от амбаров. Все мамзелька в свои руки прибрала. Матушка с горя слегла, так Родиона Георгиевич ни разу ее не навестил. Она бы с голоду померла, если б я ее не кормила. Недели через две она поднялась, попросила Полюшку принести, плакала, молилась. Настена девочку вывела во двор, уже к самому флигелю подходили, а мамзелька заметила, вырвала Полю из рук Настены и по щекам нахлестала девку за ослушание. Она, вишь, уже всю с Родионой Георгиевичем жила. В матушкиной спальне поселилась, платья ее носила, украшения. И за обедом, бывало, на виду у всех так уж ластится к нему, прямо-таки облизет всего, а он слова супротив нее не скажет. И когда матушка после болезни все-таки поднялась к нему в кабинет, он избил ее плеткой на глазах у этой гнусной девки. Хлещет он, значитца, Анну Николаевну, а та только руками прикрывается, но не кричала, на колени не падала. А эта паскудница его подогревает, науськивает: «Бей ее! Бей!» Пошто, дескать, тебе старуха, когда такая молодка рядом! И задницей крутит, словно сучка дворовая, шалава подзаборная! — Старушка замолчала и вытерла слезы на глазах. И добавила едва слышно: — А ночью Анна Николаевна с утеса бросилась. Выловили ее через неделю аж за пятьдесят верст отсюда в тот день, когда ей ровно сорок годков исполнилось... Отпевать в церкви не стали по той причине, что сама себя порешила, правда, похоронили горемышную чин-чинарем, помянули всем домом, но батюшка ваш не пришел, пьяный в дым лежал, видно, совесть эта девка отнять у него

не сумела. А после я видела, как он крадучись несколько раз к могилке приходил. И пил, пил каждый день, пока удар не хватил. Его Петр утром возле кровати нашел без памяти, а мамзелька, видно, ночью смылась, шкаф опустошила и сбежала. Только как она убралась, никому не ведомо. Али кто поджидал ее? И, может, удар она этот тоже подстроила? Ведь батюшка ваш на здоровье никогда не жаловался. На спор пять пудов поднимал.

Александр скрипнул зубами и выругался. Затем приказал:

— Проводи меня... к этому... — и чуть ли не бегом бросился по тропинке к дому.

У крыльца парадного входа их дожидались Данила, Федот и еще один, лет тридцати, мужчина, одетый чисто, почти по-господски.

— С приездом, барин, — поклонился он. — Родиону Георгиевичу доложить о вас?

— Не надо. — Молодой человек пожал ему руку. — Что скажешь, Петр?

— Завтра стряпчих ждем, — ответил тот угрюмо, — или послезавтра. Вы хорошо сделали, что раньше появились.

— Это ничего не меняет, — ответил Александр, — все без меня давно решили, описали и прибрали к рукам. Теперь я здесь никто. — Он поднял голову и обвел взглядом окна дома. — Завтра утром я уеду. Сестру заберу...

— Господь с тобой, батюшка! — всполошилась нянька. — Куда ж ты ее повезешь? Без средств, без жилья? Махонькая она, ей дом нужен!

— Какой дом? — спросил Александр тоскливо. — Этот, что ли? Так это теперь чужой дом! И Полина никому здесь не нужна. И тебе, голубушка, тоже надо место искать! И тебе, Петр, и тебе, Данила.

— Знамо дело, — вздохнул Данила. — Барон небось своих прислужников привезет!

Александр посмотрел на Федота.

— Поедешь со мной? Мне нужен помощник!

Он не сказал «слуга», и это явно понравилось Федотке, потому что он тотчас ответил:

— Знамо дело! Куда прикажете?

— Завтра рано утром отправимся. Проследи, чтобы мои вещи не разбирали. Я уже предупредил возницу, что с ним в город вернемся. — Он перевел взгляд на няньку. — Собери Полину. Посмотри, чтобы тепло была одета. И провизии приготовьте дня на два, а лучше на три.

— Сашенька, — запричитала старушка, — куда спешить? Поживи, отдохни, никто же тебя не посмеет прогнать при живом батюшке. До весны доживешь, а там, может, дело решится. Того гляди, Родиона Георгиевич оклемается и признает тебя и Полюшку...

Молодой человек смерил стоявших перед ним слуг хмурым взглядом, но ничего не ответил, только снова прошелся взглядом по окнам и перевел его на няньку.

— Проводи меня... к нему! Где он лежит?

— Да где ж ему лежать? — удивилась нянька. — В покоях своих, на втором этаже. В тех, что возле кабинету.

— Все равно проводи, — насупился Александр. Он не хотел признаваться, что испытывает неподдельный страх. Его отец, известный по всю округу самодур, получивший в наследство от родителя, верного сподвижника графа Аракчеева, любовь к барабанному бою и шпицрутенам и воспринявший как личную оплеуху сообщение об освобождении крестьян от крепостной зависимости, был точной копией своего отца, барона Георгия фон Блазе. Сын мелкопоместного дворянина, барон получил свой титул не по наследству, а за заслуги перед Отечеством по протекции самого Аракчеева. И очень гордился тем, что, подобно графу, тоже «на медные деньги учен» и не знает ни одного иностранного языка, кроме родного — немецкого, и то с горем пополам.

Но Георгий фон Блазе, ярый крепостник и первейший исполнитель воли своего кумира, не смог простить Аракчееву разработанный тем проект отмены крепостного права в России, гораздо более достойный, чем тот, который осуществили через сорок с лишним лет. Дед Александра позволил себе крайне дерзко разговаривать со